

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Лесные ПАЛАЧИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25   Лесные палачи / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-226078-0

1946 год. В одной из западных областей недавно освобожденной от фашистов Латвии орудует банда «лесных братьев» во главе с бывшим штурмбаннфюрером СС. Головорезы как могут вредят Советской власти: жгут села, убивают мирных жителей, сеют страх и панику. На борьбу с бандитами направляются опытные оперативники майор Клим Орлов и старший лейтенант Илья Журавлев. Их появление преступники тут же встречают очередной акцией — поджогом местного исполкома. Сыщики без промедления берут след поджигателей, не подозревая, что пожар — это всего лишь отвлекающий маневр. На самом деле банда замыслила куда более страшное злодеяние...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
ISBN 978-5-04-226078-0   © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Цветет на пригорке яблонька
Серебряными цветочками;
Цветут серебряные,
Одарит красными яблочками.

*Латышская народная
песня*

ГЛАВА 1

Лето 1946 года. Западная Латвия.

Полуденный густой жар растекся по окрестностям хутора Талаевиеси жидким янтарем. Обширный луг, раскинувшийся сразу же за изгородью из березовых жердей, окружающей хозяйственные постройки, утопал в солнечном цвете желтых одуванчиков и низкорослой ромашки. Проходившая через луг проселочная дорога, заросшая пожухлой от жары муравой, терялась вдаль в желтой туманной дымке. Даже начинавшийся сразу за подворьем непроходимый лес с поникшими листьями и тот виднелся из сада как будто в оранжевом мареве. Ни малейшего дуновения ветерка, словно природа на время замерла, наслаждаясь нечаянным отдыхом. Тишина. Лишь слышен далекий голос одинокой кукушки да посвист иволги: «Фтиу-лиу, фтиу-лиу!» В горячем воздухе запах малины, яблочного вина, а еще слышен несмолкаемый звон кузнечиков и жужжание пчел.

Старый Мангулис возился на своей крошечной паесе из пяти ульев. Его сутулая фигура в соломенной шляпе, в дешевой сорочке в полоску и в просторных, похожих на кальсоны штанах, поддерживаемых крестнакрест помочами через узкую спину, неторопливо

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

перемещалась от одного улья к другому. Он неспешно вынимал рамку с сотами, близко подносил к морщинистому, смуглому от загара лицу, жмуря на солнце светлые, умудренные жизнью глаза, любовался ячейками с медом. Привычной для таких дел сетки опытный пчеловод не признавал, справедливо считая, что пчелы жалят только плохих людей. И переубедить его в обратном было невозможно.

— Мелкая тварь, а сколько от нее пользы, — добродушно бормотал он, с несказанным удовольствием наблюдая за тем, как деловито сновали пчелы-труженицы по сотам, заполняя ячейки принесенной с луга добычей. — А уж сколько радости она доставляет человеку, тут и не скажешь.

Мангулис осторожно вернул рамку на место, направился к следующему улью, находившемуся в десятке шагов возле старой раскидистой яблони, отягощенной мелкими, еще зелеными плодами, с наслаждением чувствуя подошвами босых ног исцеляющую силу земли, поросшей душистым разнотравьем. Ему оставалось проверить последний улей, как до его оттопыренных ушей донесся далекий волнующий колокольный звон. Мангулис привычно повернулся на звук, снял шляпу и с достоинством перекрестился слева направо, как подобает истинному лютеранину.

— Боже мой, благодарю Тебя за свет нового дня, — прошептал он дрожащими от волнения губами. — Будь со мной и моими близкими во все часы этого дня. Аминь.

В той стороне, в тридцати километрах от его хозяйства, на живописной реке Венте раскинулся уютный

красивый городок Пилтене. Сегодня было воскресенье, и старинный костел, величественно возвышавшийся на центральной площади, увенчанный острым шпилем с четырехконечным крестом, звал прихожан к обедне. Раньше старый Мангулис часто бывал в костеле: запрягал лошадку в дрожки и отправлялся со всем семейством в далекую, но приятную для души и для тела дорогу. Мягко катились, шурша по примятой траве, ошинованные колеса, дробно постукивали по твердой земле копыта лошадки, а сам Мангулис только и успевал делать, что здороваться по пути со знакомыми и незнакомыми людьми, с достоинством приподнимал шляпу.

С приходом же советской власти в его маленькую страну Мангулис перестал бывать в костеле, считая это занятие излишне вредным и даже опасным для спокойного существования семьи. Но молиться совсем не перестал, лишь стал более осмотрителен и старался жить уединенно на своем отдаленном хуторе, который у латышей именовался «мыза», меньше стал бывать на людях. А потом неожиданно случилась страшная война, и двоих его сыновей — шустрого Яниса и тихого Раймонда — призвали в Красную армию. И в первый же год они погибли где-то под Москвой, храбро, как и подобает настоящим латышам, отражая натиск многочисленного и жестокого врага. Беда, как известно, одна не ходит, во время фашистского авианалета в 1944 году погибла его жена Бируте Мангулис, неосмотрительно отправившаяся с мешком картошки для своих родственников в Пилтене.

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

Кое-как справившись с горем, седой как лунь Мангулис теперь каждую ночь в своей спальне горячо молится за единственную дочь, девятнадцатилетнюю Стасю. Стоя на коленях, со слезами на глазах старик жарко целует сухими жесткими губами маленькое распятие с сухощавым изнуренным телом Иисуса Христа, прибитого коваными гвоздями к дереву, умоляя распятого Бога, чтобы он послал его девочке хорошего парня, любовь и достойную жизнь, наполненную, как святая чаша Грааля, вселенским добром и счастьем.

При воспоминании о дочери глаза у старика увлажнились — настолько ослабла нервная система. Он протяжно, со всхлипом вздохнул, тщательно вытер рукавом мокрые глазницы, с чувством высморкался и шагнул к последнему улью, чтобы на сегодня завершить свои дела с пасекой, но тут мимо пробежала Стася, весело размахивая оцинкованным ведром, предназначенным для дойки, и старый Мангулис отвлекся. Он всем корпусом медленно повернулся вслед дочери, провожая взглядом ее ладную фигурку, облаченную в длинную юбку из дешевенького ситца в красный цветочек, собственноручно ею перешитую из материнской, и белую блузку с длинными рукавами на резинках. Девушка высоко вскидывала острые коленки, подол ее цветастой юбки задирался, обнажая белые тонкие икры, сверкали загорелые пятки. На голове у Стаси веночек, умело сплетенный из ромашек и одуванчиков с вкраплениями голубых, словно чистый лазурит, васильков. Тяжелая тугая коса из светлых волос, не ворохнувшись, лежала на спине, между

мокрыми от пота лопатками, выпирающими, будто крылышки у ангела.

«Когда уже успела сплести венок? — подумал с некоторым удивлением старый Мангулис. — Только что была в доме, и на-ка тебе. Ну, ловкая... вся в мать. У той тоже в руках все спорилось».

Дождавшись, когда девушка привычно присела на корточках под пасшейся на лугу Пеструхой (так они с дочерью называли корову с белыми и рыжими пятнами) и первые струи парного молока упруго ударили в порожнее и оттого звонкое ведро, Мангулис неохотно отвел отцовский одобрительный взгляд от дочери, намереваясь вновь направить свои босые ноги в сторону еще не осмотренного им улья, как вдруг явственно расслышал голос кукушки, раздававшийся совсем рядом, будто к нему опять вернулся слух. Невидимая птица куковала монотонно и, как ему показалось, устало, суля ему долгую жизнь. С минуту послушав глухое «ку-ку», старик в волнении переступил босыми ногами на горячей траве и сердито сказал:

— Ну что за дурная птица. Столько мне лет насулила, что я по своим немолодым годам и не донесу, силенки уже не те. Да и поздновато мне уже в новую жизнь стремиться. Ты лучше моей любимой доченьке посули долгую и счастливую жизнь, а мне уже ни к чему.

Только он так проговорил, как кукушка и в самом деле перестала куковать, озадаченно запнулась на короткое время, а потом, как будто и вправду услышав искреннюю просьбу старика, закуковала

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

с новой силой. Да так радостно, что слушать ее было одно удовольствие.

— Ну то-то, — сказал довольный Мангулис, с улыбкой покачал головой, потом сунул большие пальцы заскорузлых рук за резиновые помочи на груди и вновь неторопливой походкой двинулся к улью, что-то бурча под нос.

Занятый пчелиным домиком, старые доски которого пропахли душистым медом, старик не видел, как из леса вышли четверо вооруженных мужчин. Они воровато огляделись по сторонам и скорым шагом направились к девушке, все так же продолжавшей неловко сидеть на корточках под коровой, сноровисто дергая ее за тугие дойки. Стася сидела к лесу боком и не сразу заметила появление неожиданных гостей.

— Добрый день, барышня... — негромко произнес рослый парень с автоматом шмайсер через плечо, остановившись от нее в двух шагах, и в знак уважения к девушке приподнял солдатскую кепку с козырьком немецкого кроя.

От неожиданности Стася вздрогнула, вскочила с места, чуть не опрокинув полное ведро парного молока.

— Разрешите молочка вашего отведать? — опять проговорил рослый парень, звучно шлепнув слюнявыми толстыми губами.

Он глядел на девушку насмешливыми маленькими глазами, посаженными друг к другу очень близко, что делало его круглое щекастое лицо, густо усеянное коричневыми конопушками, похожим на мордоч-

ку хорька. Курчавые волосы у парня были огненно-рыжие, как кленовые листья по осени. У него даже из расстегнутого на широкой груди ворота немецкого кителя, у которого были предусмотрительно оторваны погоны и другие знаки различия, торчала рыжая шерсть.

Он был ненамного старше самой Стаси: лет двадцати двух-двадцати трех. Собственно, и другие парни были если не ее ровесниками, то разница в годах между ними была несущественная.

Насильно выдавив на бледном напуганном лице жалкую улыбку, девушка слабо произнесла с запинкой:

— П-пожалуйста.

К ним подошел длинный худой блондин, чем-то отдаленно похожий на рослого парня, хотя на вид и был его полной противоположностью: вытянутое незагорелое лицо с узким отвислым подбородком и тонкими серыми брезгливыми губами, с красными, как у кроля, глазами. Парень был одет, как и его товарищи, в немецкий мундир, но тщательно застегнутый на все пуговицы, в кепке, небрежно сдвинутой от жары на потный затылок. На его тщедушной груди болтался немецкий автомат, который он то ли придерживал за длинную рукоятку магазина, то ли сам за него цепко держался левой рукой так, что побелели костяшки сухих пальцев.

Прежде чем сказать, блондин несколько раз нервно дернул правым плечом, потом ослабился, показав желтую, выпирающую вперед подковку неровных зубов.

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

— Дайнис, — произнес он со зловещей ухмылкой, обращаясь к своему рослому товарищу, — я бы с бо-ольшим удовольствием ее молочка отведал. Парного...

Грязный намек приятели поняли, но приняли довольно сдержанно, должно быть, долгая затворническая жизнь в глухих лесах к тому обязывала. Только девушка все равно успела заметить, как при его словах у них алчно загорелись глаза, будто при виде огромного самородка золота, и ее тотчас охватил страх, мигом парализовавший тело. А тут еще и похотливый взгляд этого Дайниса, который, по всему видно, был у них в банде главным. Но он хоть и окинул глазами ее стройную фигуру с высокой грудью, нежное личико с алыми, еще не целованными губами и трогательными ямочками на бледных щечках, явно внутренне соглашаясь со своим озабоченным приятелем, все же его скверную затею не поддержал.

— Кончай трепаться, Каспар, — приказал он, раззявив свой слюнявый рот, с неохотой отводя от девушки глаза. — Пей, чего дают.

Блондин поморщился и незаметно для главного резко сунул стволом автомата корову в подбрюшье. Пеструха, которая все это время стояла, испуганно косясь вбок выпуклым глазом, от боли дернула хвостом, взбрыкнула и понеслась по лугу, грузно топая копытами по плотной земле.

Быть бы ведру с молоком перевернутым и смятым тяжелым коровьим копытом, но вовремя подсуетилась хозяйственная Стася. У нее произвольно сработала

крестьянская скупость и требовательность к своему труду: в самую последнюю секунду она выхватила полное ведро из-под коровы.

Услышав глухой топот Пеструхи, которая никогда легкомысленно не бегала сломя голову, по лугу, Мангулис в тревоге приподнял голову. Увидев возле дочери вооруженных людей, старик впопыхах оставил рамку возле улья и заторопился к группе незнакомцев, с волнением вглядываясь в их лица.

Он давно уже был наслышан о том, что многие латышские коллаборационисты из девятнадцатой добровольческой пехотной дивизии СС после войны ушли в леса вести партизанскую борьбу против советской власти. Они называли себя лесными братьями, нападали на предприятия и хозяйственные организации, грабили банки, сберкассы, а у крестьян изымали продукты питания, не желающих же их поддерживать латышей безжалостно убивали, сжигали хутора.

Не далее как месяц назад Мангулис собственными ушами слышал от своего старого знакомого с хутора Тобзинга господина Эхманса, который шепотом уверял, то и дело пугливо оглядываясь по сторонам, хотя они находились на открытой местности вдвоем (если не считать его лошадки), что такая банда теперь объявилась и у них в волости. «До чего довели человека, — тогда с тоской подумал Мангулис, невольно оглянувшись следом за старым приятелем. — Коня, и того стали бояться».

А ведь с того злополучного дня он только и делал, что каждую ночь тайком от дочери молился, сколько

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

слез напрасно пролил, умоляя Всевышнего, чтобы сия чаша миновала его хутор. Но так и не смог он достучаться до Иисуса Христа (то ли сам грешен сильно, то ли Бог не пожелал до конца его выслушать), да только вот и у него на дальней мызе объявились незваные гости с оружием.

— Все отдам им, все... лишь бы дочку не тронули, — как заведенный бормотал старик, то и дело спотыкаясь на ровном месте, поспешая, пока ничего не произошло. — Пускай и Пеструху забирают себе на колбасу, пускай весь мед хоть вместе с пчелами с собой уносят... Но только Стасю пускай не трогают...

Он видел, как рыжий парень большущими ручищами обхватил ведро, легко приподнял и прямо через край принялся жадно пить: парное молоко текло по его квадратному подбородку, капало на грудь внутрь ворота, а потом густо пролилось и на серый китель. Наконец парень отнял десятилитровую емкость от лица, вытер усы о плечо и со смехом передал ведро блондину, который стоял рядом и нехорошо скалился. Тот с видимой неохотой взял ведро, сделал несколько глотков и сразу же передал его приятелю, перекошил физиономию и с отвращением выплюнул белую жижу на траву.

Третий парень при своем небольшом росте хоть и выглядел довольно сурово (имел глубокий синий шрам, наискось распахавший его некогда красивое лицо), оказался не таким брезгливым и пил непроцеженное молоко большими глотками, как видно, соскучившись по домашнему молоку, которого давно

не видел. Спустя минуту его изуродованное страшным шрамом лицо появилось из-за ведра и расплылось в блаженной улыбке. Он отдал ведро с остатками молока четвертому парню, а сам с довольным видом гулко постучал себя ладонью по заметно вздувшемуся животу, выпирающего арбузом между краями распахнутого кителя.

«Может, все и обойдется, — мелькнула у Мангулиса спасительная мысль, когда он увидел по-детски трогательные жесты молоденького бандита. — Не звери же они, в самом деле!»

Четвертый бандит торопливо шмыгнул крючковатым носом, как-то жадно схватил ведро и тоже принялся пить молоко большими глотками; руки у него непонятно отчего дрожали, хоть и был он на вид довольно крепким, с широкими плечами. По его вискам из-под нахлобученной на уши кепки ручейками сочился пот. За короткое время, выдув все, что ему досталось от приятелей, он бесцеремонно отбросил порожнее ведро в траву и с силой наступил на него подкованным каблуком тяжелого немецкого сапога, в которые они все были обуты.

При виде столь пренебрежительного отношения к вещи, ценной тем, что без нее в хозяйстве обойтись никак невозможно, у Стаси от изумления округлились глаза; она ахнула, всплеснув руками, как белая лебедушка крылами, но вовремя сообразила, что этим недомкам ее испуг только на руку, спешно зажала рот ладонями, пряно пахнувшими коровой и парным молоком.

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

— Иди сюда, — все же не смог осилить звериного инстинкта Каспар, увидев раскрасневшееся лицо девушки, цепко ухватил холодными пальцами ее за тонкую кисть и нагло потянул к себе. — Сегодня ты будешь моей, — заявил он, заметно дрожа худосочным телом. — Веди меня на гумно... милостивая барышня, — трясущими губами пробормотал он. — И поторопись.

Стася уперлась босыми ногами в траву, но силы были неравны, хоть блондин и был здоровьем явно обделен; девушка заскользила следом за ним босыми подошвами по траве.

— Не смейте трогать мою девочку, — натужно закричал, брызгая теплой слюной, старый Мангулис; голос его сорвался, он закашлял и уже тише сказал: — Отставь Стасю в покое... негодяй.

На него обратили внимание, захохотали, заулюлюкали, тыча пальцами в запыхавшегося старика, которому уже не доставало воздуха, чтобы кричать, и он только хрипел, задыхаясь. Страшно тараща белесые глаза, глубоко запрятанные в морщинистых глазницах, со страданием на постаревшем за какие-то минуты на десяток лет лице Мангулис от бессилия беспорядочно взмахивал руками, стараясь донести до бандитов свою невысказанную мысль. Его старенькая, но чистая, с любовью заштопанная руками дочери светлая одежда, в которой он выходил из дома только для работы с пчелами, была местами сильно испачкана зеленью травы. Но это теперь его совсем не волновало, не имело для него никакого значения, потому что его

единственная дочь находилась в опасности: он падал, с трудом поднимался и вновь упорно шел вперед, покачиваясь от усталости.

— Не... трогайте... ее, — умолял он шепотом. — Оставьте... мою... доченьку... в покое.

— Чего это ты бормочешь там, старик? — поинтересовался с кривой ухмылкой Дайнис и скорым шагом двинулся навстречу, на ходу скинув автомат с плеча и взяв холодный увесистый металл в правую руку. — Не слышу.

В этот момент громко вскрикнула Стася, которую настырно продолжал тянуть на гумно Каспар, свободной рукой нетерпеливо расстегивая ремень на галифе.

— Изверги! — выкрикнул Мангулис, собрав остатки последних сил.

Сквозь мокрые от слез и пота глаза смутно, как в тумане, он видел увеличивающуюся в габаритах и без того крупную фигуру бандита, его рыжие конопушки, которые слились в одно целое; и отвратительное черное лицо бандита вдруг сделалось на вид до того ужасным, что старик содрогнулся.

— Бог вам этого никогда не простит. Все сгорите в адском пламени... чертово семя.

— Заткнись! — рывкнул озлобленно Дайнис, коротко размахнулся и ударил ручкой автомата старика в лицо, отчетливо услышав, как у того хрустнули слабые кости носа.

У Мангулиса из носа брызнула горячая кровь, и он без чувств опрокинулся на спину, всплеснув руками. Его шляпа далеко отлетела в сторону.

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

— Тя-атенька-а! — не своим голосом завизжала Стася, было кинулась к нему, но Каспар держал ее крепко.

Опалив парня ненавистным пламенем своих разом потемневших глаз, девушка до крови прикусила нижнюю губу и в ярости так ударила блондина острым коленом в пах, что тот от невыносимой боли согнулся, держась двумя руками за промежность, и тотчас рухнул на бок в траву. Скрючившись в позе зародыша, Каспар катался по земле, скрипел зубами до крошева во рту.

Вырвавшись из цепких, до омерзения липких рук, Стася что есть духу припустилась бежать в сторону кромки леса. Венок с ее головы свалился, толстая тяжелая коса металась, словно пушинка, трепыхался на ветру подол длинной юбки, а икры белых ног стегала высокая трава, выдавливая из мелких порезов капельки крови.

Парень со шрамом проворно вскинул автомат и от живота длинной очередью выстрелил вслед убежавшей девушке. Пули веером ушли куда-то в пустоту, не причинив ей никакого вреда, но зато посыпались в лесу ветки сосен и вязов, срезанные, будто лезвием. Парень ухмыльнулся, расставил шире ноги и стал целиться, неторопливо поводя стволом в сторону отдалявшейся юркой фигурки, которая принялась петлять, словно перепуганный заяц, сообразив, хоть и была девчонка, что так в нее будет попасть стрелку непросто.

— Виерстурс, — сдавленным голосом окликнул парня Каспар, уже сидя на корточках, с мучительной

медлительностью стараясь подняться, липкий пот обильно тек у него по бледному лицу, капал на колени, — не стреляй... она мне нужна живая. Уж я вволю тогда потешусь над ней. Догони ее.

Чуть помедлив, как видно, сомневаясь в своей способности догнать девушку, которая сейчас представляла для них желанную добычу (а, как известно, запуганного зверя не так-то легко загнать), Виерстурс, как только представил ее обнаженное девственно-чистое тело с розовыми сосками и бесстыдно раскинутыми белыми бедрами, так его сразу опалило нестерпимое желание вдоволь натешиться над этим прекрасным созданием, которое в силу вынужденных обстоятельств не сможет ему ни в чем отказать.

Парень неуловимо повел глазами на сидевшего на корточках приятеля, моментально закинул автомат за спину и рванул с такой скоростью, что у него с головы свалилась кепка. Резко затормозив ногами через пару шагов, он бегом вернулся, стремительно подхватил головной убор, нахлобучил его на голову и снова побежал за девушкой, глухо топая каблуками сапог, истошно вопя:

— Стой, стрелять буду! Стой, кому говорю! — чем только подстегнул Стасю.

Каспар, должно быть, почувствовал исходящую от Виерструса опасность оказаться в дураках или, что намного хуже, на вторых ролях. Плеснувшая в голову злоба пружиной подкинула его согбенное, еще не совсем отошедшее от боли худосочное тело; неловко раскорячив ноги, побежал следом, чувствуя, что

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

онемевшая мошонка с каждой минутой распухает все сильнее.

Вскоре все трое скрылись в лесу.

Дайнис отвел глаза от покачивающихся веток, в гуще которых исчезла последняя нескладная и не-расторопная фигура Каспара, взглянул на оставшегося при нем бандита. Поиграв рыжими бровями, спросил:

— Харальд, нет желания побаловаться с девкой?

— Ну ее к черту, — отказался широкоплечий, зябко кутаясь в приподнятый воротник кителя. — Я лучше медом побалуюсь. От него хоть какая-то польза будет.

Он повернулся и торопливо зашагал к дальнему улью, увидев прислоненную к дощатому боку вынутую рамку, оставленную впопыхах старым Мангулисом. Сломив по дороге ветку с зеленым, но душистым яблоком, Харальд надкусил его желтыми, давно не чистыми зубами, скривился от кислоты и с раздражением запустил огрызком в улей. Удар пришелся в леток, через который пчелы проникали в улей. Деловито сновавшие на прилетной доске десятка два пчел тревожно загудели.

— Не дури! — крикнул предупреждающе Дайнис. — Это такие твари, что от них лучше держаться подальше.

Харальд ничего не ответил, лишь иронично улыбнулся; веткой смахнул ползавших по рамке кусачих насекомых, взял ее и ковырнул обломанным концом соты с густыми натеками янтарного цвета меда, словно налитого горячим солнцем. Вязкую массу он сунул

в рот и принялся жадно облизывать соты, мелко трясая головой, пачкая бледные, с дорожками пота щеки.

Дайнис с минуту за ним сосредоточенно наблюдал, с сочувствием морщился, переживая за приятеля, с которым приключилась непонятная болезнь. «Надо идти в Пилтене, — подумал он с неохотой, — чтобы доктор поглядел. Иначе оочурится парень. А нам еще ох как долго придется сражаться за свободную Латвию. Хорошо бы своего доктора иметь... да где его взять. А если городской откажет, сам ему кишки выпущу, чтобы знали, что мы не любим шутить, когда... когда вопрос стоит об освобождении нашей маленькой, но гордой страны».

Услышав за спиной шорох, Дайнис обернулся: старик, опираясь на подламывающиеся руки, с трудом поднялся и теперь, покачиваясь, шел к нему, рукавом вытирая окровавленное лицо, с бегущими по груди алыми ручейками. Кровь капала на зеленую траву, оставляя за собой дорожку бурого цвета.

— Да что ж тебе нейдет-то, старик? — с досадой спросил парень. — Лежал бы себе да лежал.

Мангулис остановился, немного постоял, но, видно, чувствуя слабость в ногах, оперся грудью на улей. Шумно хлюпая сломанным носом, тяжело ворочая языком, он вытолкал изо рта сгусток сукровицы, хриплым, невнятным голосом произнес:

— Где моя дочь?

— Там, — погано ухмыльнувшись, кивнул Дайнис в сторону леса. — Ублажает моих парней. Давно они с бабами не кувыркались.